

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ книшневские любители поэзии, которым удалось побывать на творческих вечерах Беллы Ахмадулиной, проходивших недавно в Республиканском молодежном центре имени Ю. А. Гагарина, по достоинству оценили талант и мастерство этого поэта (а Б. Ахмадулина именно поэт, а не «поэтесса», по точному определению П. Антокольского). Непосредственное общение дало возможность ценителям поэтического слова расширить свои представления о диапазоне творческих поисков Б. Ахмадулиной, услышать в неповторимом авторском исполнении стихи, уже известные читателям по книгам «Струна», «Свеча», «Метель», «Уроки музыки», «Сны о Грузии», по газетным и журнальным публикациям, а также познакомиться с рядом новых произведений, написанных совсем недавно.

Наша беседа с Беллой Ахмадулиной поначалу мало чем напоминала традиционное интервью. Спешно завершив телефонный разговор с Москвой и извинившись за вынужденную задержку, Белла Ахатовна сама принялась расспрашивать «гостя» о жите-бытье. По-девичьи хрупкая, в джинсах, свитерке и «унтайках», она выглядела еще более незащищенной, чем накануне, когда обращалась в зал со своей исповедью: Пришла и говорю: как

нынешнему снегу
Легко лететь с небес в угодую февралю,
Так мне в угодую вам легко
взойти на сцену.
Не верьте мне, когда я это говорю.
...Измучена гортань
кровоточеньем речи,
Но весел мой прыжок из
темноты кулис.
В одно лицо людей, все
явственней и резче,
Сливаются черты прекрасных
ваших лиц.
Я обращу в поклон
нерасторопность жеста,
Нисколько мне не жаль ни
слов, ни мук моих.
Достанет ли их вам для малого
блаженства,
Не навсегда прошу — пускай
на миг, на миг...

Эта истовая жажда понимания, естественного общения с людьми, ради которых, испепеляя себя, слагает стихи поэт, явственно ощущалась и в вопросах, которыми она осыпала корреспондента.

— Вы, пожалуйста, не сердитесь, что пока не вы — меня, а я вас «интервьюирую», — проговорила Белла Ахатовна. — В конце 50-х годов я «внештатничала» в многотиражке «Метростроевец», а затем колесила по сибирским трактам и бездорожью, выполняя задания «Литгазеты», и поэтому по себе знаю, как нелегко порой корреспонденту «разговорить» человека, найти нужный тон. Помню, у меня в таких случаях слова застревали в горле, а лицо покрывалось мелким бисером.

Поэтому, чтобы нам обоим стало легче (ведь и я, честно говоря, очень волнуясь!), давайте я сама начну рассказывать, а вы мне по ходу дела станете «подбрасывать» вопросы! Идет?!

Согласие собеседника, естественно, тут же было получено, и Белла Ахатовна заговорила:

— Мне давно хотелось приехать в Молдавию, в те места, где когда-то жил и творил Пушкин, чье имя для меня свято. Мое нынешнее паломничество к Пушкину — своеобразное возвращение туда, где я уже не раз мысленно бывала. Рада, что этот благословенный край не обманул моих ожиданий. Я понимаю, почему, находясь здесь в ссылке, великий поэт все-таки был счастлив. Приятно сознавать, что тут бережно хранят память о великом сыне России, что для мно-

гих ваших земляков поэзия — насущная необходимость, в чем мне довелось убедиться во время своих выступлений.

— В последнее время принято сетовать на «отставание» поэзии, на «падение интереса» к ней читающей публики... Вы, насколько можно судить, не разделяете этой точки зрения...

— Поэзия не может «отставать» — если это настоящая поэзия, а не ее вымученное подобие. Она всегда — глашатай Времени, его чуткий барометр, моментально и верно фиксирующий любые колебания общественного «климата».

Наше, «исповедальное» поколение поэтов, к которому относятся А. Вознесенского, Е. Егущенко, Б. Окуджаву, входило в жизнь на рубеже 50-х — 60-х годов, когда стала особо осязаемой потребность в свежем, незамутненном поэтическом слове, и эту жажду первоначально-

широкий, чем ныне, выход на страницы газет и журналов. — в первую очередь, молодежных. Вероятно, имело бы смысл в каждой республике создать и молодежный литературно-художественный журнал.

Тогда-то и удастся убедить, что интерес к поэзии не угасает, что «надобно» (слово М. Цветаевой) в ней ныне еще острее, чем прежде, и что есть поэты, способные стать глашатаями дум и чувств поколения 80-х.

— Означает ли сказанное, что поэты Вашего поколения уже исчерпали свои возможности, и правы те критики, которые утверждают, что даже его ведущие представители находятся ныне в «творческом кризисе»?

— То, что порой именуют «кризисом», является нормальным состоянием настоящего поэта, находящегося в непрестан-

таким же дефицитом, как скажем, «фирменные» джинсы, выпущенные перед читателями — одна из реальных форм пропаганды поэзии.

Другая форма — грамзаписи, выпускаемые фирмой «Мелодия». Их пока еще можно достать.

Мне в свое время довелось записать свои стихи на две грампластинки. Кроме того, вместе с актером М. Козаковым мы записали любимые нами стихи Ф. Тютчева; участвовала я и в подготовке музыкально-поэтической композиции «Ромео и Джульетта» по Г. Берлиозу (мои стихи как бы комментировали симфонию). А вскоре «Мелодия» выпускает грампластинки с записями воспоминаний о В. Шукшине. Я оказалась в числе тех, кто привлечен к участию в создании этого звучащего мемориала талантливому актеру, режиссеру и писателю.

— В свое время Вы сыграли в фильме В. Шукшина «Живет такой парень» роль столичной журналистки. Не намерены ли Вы вновь сняться в каком-либо кино- или телефильме?

— О, нет, подобного желания я не испытываю. В Шукшину удалось уговорить меня исполнить роль, мне по духу совершенно не близкую (я уже рассказывала, какой журналисткой была «на заре туманной юности»). К тому же, я не умею позировать перед камерой, побаиваюсь ее. Так что в «кинозвезды» мне дорога давно заказана. Даже своей младшей дочери, приглашенной однажды на кинопробы, я запретила и помышлять об актерской карьере (собственно, и мне родители не позволяли «баловаться поэзией», а я, как видите, их не послушала).

Впрочем, с кинематографом у меня вскоре намечается «деловая встреча». Мне предложили подготовить сценарий фильма о Пушкине (тут, понимаете, соблазн был уж слишком велик, и не хватило сил отказать). В этой ленте, условно названной «Пушкин и Наталья Николаевна», я буду ведущей, причём текст стану читать за кадром. Я считаю, что голос равен душе, его более чем достаточно, чтобы постигнуть личность автора.

Пока этот замысел только в проекте, от его практического осуществления «отвлекает» главное — стихи и мое давнее пристрастие — переводы столь близких мне грузинских поэтов. Я дала себе слово перевести великого Галактиона Табидзе, однако мне все никак не удается максимально точно передать дух и музыку его стихов. Порой я мысленно спрашиваю его: «Не хотите быть переведенным, батона Галактион?!» — и вновь зачеркиваю уже, казалось бы, найденные строфы. Совладаю с ним — и, возможно, навсегда откажусь от переводов: уж больно много сил и нервов они отнимают.

— Где в ближайшее время почитатели Вашего творчества смогут прочесть Ваши новые стихи?

— Во время моих паломничеств в Тарусу я подготовила книгу стихов «Тайна», которую вскоре выпускает издательство «Советский писатель».

«Смущаюсь и робею перед листом бумаги белой...», но все равно каждый раз беруся за перо, если что-то получается, считаю, что живу не зря. Написанное, надеюсь, будет прочтано.

Вел интервью
Д. МИХАЙЛОВ.

Фото Ю. Зенина.

«Смущаюсь и робею перед листом...»

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Белла Ахмадулина относится к числу поэтов, чье творчество постоянно находится «в зоне повышенного внимания» широкой читательской аудитории. Даже те, кто склонен упрекать Б. Ахмадулину в «камерности», «игре словом», кто усматривает в ее творчестве «чрезмерную экзальтированность», — даже они отдают должное оригинальности и пленительности ее стиха, в один голос признают, что «писать плохо она попросту не умеет».

сти и подлинности названные авторы сумели в какой-то мере уловить.

Среди тех, кто выступил на поэтическую стезю в 70-е и начале 80-х годов, тоже есть немало действительно одаренных, верно понимающих и чувствующих свое время молодых поэтов, о чем я могу судить и по некоторым публикациям, и по стихам, присылаемым мне множественно еще не известным широкой аудитории авторов. Дело только за тем, чтобы дать возможность как можно большему числу представителей этой талантливой генерации побыстрее встретиться со своими потенциальными читателями.

Мне, признаюсь, бывает нелегко отдавать, откликаясь на просьбу редакции, очередную подборку своих стихов в журнал «Юность», так как знаю, что из-за этого не сумеют пробить на страницы журнала несколько дебютантов, для которых подобная публикация значила бы столь многое! Но сотрудники этого и других изданий предпочитают иметь дело с давно «оперившимися» авторами, обладающими достаточно прочной литературной репутацией, а о молодых вспоминают куда реже.

Чтобы ненароком «не выплеснуть из купели и самого ребенка», следует, на мой взгляд, с большей бережностью относиться к каждому талантливому новичку. Пусть небольшим тиражом, но все-таки нужно выпускать авторские и коллективные сборники наиболее перспективных членов многочисленных литобъединений, естественно, до этого давая им более

ном поиске и борьбе с самим собой, никогда не испытывающего полной удовлетворенности от им написанного.

Возможны паузы, временные возвращения, мучительное расставание с тем, что уже невозвратно, жизненные переломы, наконец! Но до последнего вздоха настоящие поэты — а речь только о них! — органически не способны полностью остановиться, то есть перестать служить своему предназначению.

Когда подступает немота, когда «не пишется» (а такое бывает часто), я с нетерпением жду возможности вырваться в цветаевскую Тарусу, где за несколько недель удается написать гораздо больше, чем иной раз за год — среди привычной повседневной суеты.

— Читатели, пришедшие на встречу с поэтом, тоже по-своему «критики». Относитесь ли Вы к ним с той же настороженностью, как и к профессионалам?

— Непосредственное восприятие и реакция любителей поэтического слова мне очень дороги. Любители поэзии своим искренним желанием понять, проникнуться моими мыслями и чувствами, то есть своим сочувствием помогают очередному исцелению.

Поэтому, когда мне представляется случай выступить перед широкой аудиторией, я всегда с радостью соглашаюсь, хотя каждый раз бывает мучительно трудно выйти на сцену и произнести первые строки.

Ныне, в эпоху книжного «бума», когда сборник стихов стал